

Валерий Борщёв: «Совет по правам человека очень нужен, это реальный элемент взаимодействия общества и власти»

Валерий Васильевич Борщёв (родился в 1943 году в с. Черняное Тамбовской области) – российский политик, правозащитник, журналист. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Работал в «Комсомольской правде». После знакомства с А.Д. Сахаровым в 1975 году стал заниматься правозащитной деятельностью. Участвовал в работе Фонда Солженицына, Комитета защиты прав верующих. Был лишен возможности работать в прессе. Работал плотником, маляром на высоте, пожарным в театре на Таганке, куда его устроили Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий.

Член возрожденной в 1987 году Московской Хельсинкской группы. Депутат Моссовета (1990–1993). Депутат Государственной Думы ФС РФ 1-го и 2-го созывов, член Политкомитета партии «Яблоко». Член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. В 2001 году – член общенационального комитета «За прекращение войны и установление мира в Чеченской Республике». В 2002 году – член Комиссии по правам человека при Президенте РФ. В 2003 году – председатель Общественного совета при Министерстве юстиции РФ. В 2006 году – сопредседатель правозащитной фракции в партии «Яблоко» (вместе с Сергеем Ковалёвым).

Председатель Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте РФ, председатель Антимилитаристской радикальной ассоциации, член Совета директоров Российского отделения Международной ассоциации религиозной свободы, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, член Международного неправительственного трибунала по делу о преступлениях против человечности и военных преступлениях в Чеченской Республике, член Комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, член Московской Хельсинкской группы, член правозащитной инициативной группы «Общее действие», член Совета Общероссийского общественного движения «За права человека».

Ред. Валерий Васильевич, вы ведь правозащитной деятельностью начали заниматься в абсолютно застойные времена и только чудом не попали за решетку?

В.Б. По правде сказать, недолго оставалось. Я ведь в январе 1985-го был предупрежден по 70-й статье¹, а дальше, если человек не раскаивался, а я этого делать не собирался, следовала посадка. По сути, меня кончина К.У. Черненко спасла в 1985-м. Я ведь активно занимался защитой прав верующих – вместе с Глебом Якуниным, который создал Комитет защиты прав верующих. Участвовал в деятельности Фонда Солженицына помощи политзаключенным.

Тогда создавались такие автономные мини-группы, которые получали от Фонда фамилии людей, нуждающихся в помощи. Заметьте, не деньги, а адресаты помощи. А деньги и продукты собирали сами. У меня была подруга-соседка Флора Хачатурьян (ныне Томашевская), у нее на квартире мы складировали продукты для заключенных и членов их семей: гречку, консервы... Я ездил на узловую для пермских лагерей станцию Чусовая и передавал продукты для эзков через нашего связного. А в этих лагерях в разное время сидели Сергей Ковалёв, Юрий Орлов, Глеб Якунин, Александр Огородников, Владимир Пореш... Я по сей день считаю, что правозащита – глубоко национальное русское явление.

Сергей Адамович Ковалёв считает, что КГБ знал об этой нашей деятельности, и, скорее всего, он прав. Получалось так: письма и продукты доходили, а активисты были под присмотром. Мы предавали гласности факты нарушения прав человека в лагерях. И это имело последствия. Помню, Саша Огородников передал мне из 36-го пермского лагеря² письмо, в котором сообщил, что у них очень свирепствует капитан Рак. Я предал эту информацию широкой гласности. И Саша мне написал: «Знаешь, Рак стал поспокойнее». А этого Рака хорошо знал Сергей Адамович Ковалёв. Когда он сидел в 36-м лагере, они писали на наледи в лагерьном туалете: «Капитан, ты не станешь майором». И тот очень злился.

Когда Сергей Адамович стал депутатом Верховного Совета РФ, он решил посетить этот лагерь, где сидел раньше. И его встречал Рак, который все-таки стал майором, и рапортовал Сергею Адамовичу: «Товарищ член Президиума Верховного Совета Российской Федерации, личный состав 36-го лагеря построен».

Потом у нас действовала подпольная типография по изданию религиозной литературы, которую организовал мой друг Виктор Бурдюг. Мы тысячами развозили по храмам страны молитвословы, которые почти не издавались в СССР.

Ред. С Солженицыным у вас был личный контакт?

В.Б. Да. С Александром Исаевичем я состоял в личной переписке, когда он был в изгнании. Это общение и дальше продолжилось. Когда я, став депутатом Моссовета, организовал там Комиссию по свободе совести, милосердию и благотворительности, он прислал мне письмо, в котором очень радовался, что такая Комиссия появилась. Потом была и в Госдуме Комиссия по общественным объединениям и религиозным организациям, но там все, начиная с названия, было более размыто. В общей сложности 175 храмов было передано прихожанам за моей подписью. А вообще, мою жизнь во многом изменило обращение Александра Солженицына «Жить не по лжи»³. Я ему об этом говорил.

Ред. Кто тогда помогал вам?

В.Б. Сергей Адамович Ковалёв, священники Глеб Якунин, Александр Мень, Глеб Коляда, мой друг Валерий Абрамкин – многие. Мы добивались тюремного служения. Ходили по тюрьмам. Ужас, что там творилось: в камере, рассчитанной на 12 человек, сидело 30. В одной из таких камер я подхватил педикулез, извините за подробности: такие были злые вши, пришлось обливаться керосином. Но тюремное служение мы пробили, и нашлись священники, хоть и не очень много, которые этим занялись. В день путча, 19 августа 1991 года, в Москве открывался Конгресс соотечественников. Мы должны были проводить первую службу в Успенском соборе Кремля. Я был вместе с патриархом Алексием в алтаре и сказал, что должен уйти. Он ответил: да, конечно, это коммунистический переворот, идите, боритесь.

ПОЗИЦИЯ

«Существует понятие “я свободен”, и существует понятие “я на свободе” – это совершенно разные понятия. Можно быть свободным в несвободной стране, и можно быть рабом в самой демократической стране. Такой выбор есть всегда».

Ред. С чем вы подошли к 1993 году?

В.Б. Нужно было выработать правозащитную концепцию. Оттолкнулись от идей Сахарова. Утверждалось это непросто. Но мы под водительством С.А. Ковалёва заявили приоритет международного права, концепции прав человека – отринуть это было нельзя. Эти краеугольные положения стали осуществляться и в политике. Это было важно именно в то время, когда мы противостояли тем, кто тянул нас в октябре 1993 года назад, надо было определиться. Ну, одолеем мы их, а что взамен?

Ред. Чем вы занимались тогда?

В.Б. Когда началась война в Чечне, мы, группа депутатов Госдумы во главе с Уполномоченным по правам человека в РФ С.А. Ковалёвым, сразу же, 12 декабря, отправились в Чечню. В течение полутора часов мы вели переговоры с Дудаевым. Он в результате снял требование о выходе Республики из состава России. С Юлием Рыбаковым и Михаилом Молоствовым мы долго там были, под обстрел попали, я контузию получил. Ковалёв, прибыв в Москву, очень просил Ельцина: «Позвоните Дудаеву, и войны не будет». Но тот сказал: «Еще не время». Там, конечно, не все было просто. Яндарбиев весьма отрицательную роль играл, а с Масхадовым, многими другими членами чеченского правительства можно было нормально общаться. В начале войны Грозный и другие города были против выхода из состава России, а село было за выход. Вернувшись из Чечни, я вошел в Комиссию по правам человека.

Ред. И там?..

В.Б. Продолжал заниматься Чечней. И вновь обратился к религиозным вопросам. Стала обозначаться тенденция к ограничению так называемых нетрадиционных, в основном протестантских, конфессий. Тогда начали приезжать протестантские проповедники из США. Начались споры. Я выступал в Администрации Президента. Моя позиция опиралась на общие положения о правах человека: если деятельность организации не противоречит Декларации прав человека, не нарушает законов данной страны, никто не может ей мешать. Была борьба, особенно активно мне помогал Юлий Рыбаков.

Я ссылался на Древний Рим. Там традиционным было язычество, христианство было принято только спустя столетия. Правда, в итоге в формулировке Закона фраза о традиционных конфессиях осталась в преамбуле.

Другим объектом споров стали старообрядцы. Они, естественно, тоже нуждались в храмах для открытого богослужения, но это очень бедная конфессия. Например, храм у Белорусского вокзала, который им раньше принадлежал, они не могли освоить просто финансово, о чем честно и сказали. Им нашли другой. Но борьба и тут была. В провинции эта проблема, кстати, не так остра.

С «нетрадиционными» конфессиями была и еще одна проблема. Когда стали создаваться различные общественные институты, связанные с религией, их туда очень неохотно брали. Помню, как я поддерживал Сергея Ряховского, главу пятидесятников. Чуть ли не прозвище заработал: «Борщёв – защитник сектантов». Сейчас многие из этих людей вполне адаптировались, находятся в фарватере общественной жизни. Сергей Ряховский, кстати, член Общественной палаты РФ.

Между прочим, мне пришлось защищать и нынешнего патриарха Кирилла, тогда еще митрополита Смоленского и Калининградского. Он был сторонником сближения с Ватиканом, и за это ему очень

доставалось от общества «Радонеж». А я, когда был депутатом, помогал и «Радонежу», чтобы им разрешили открыть православную гимназию.

Ред. Были еще какие-то направления деятельности?

В.Б. Да, пенитенциарной системой я много занимался вместе с Валерием Абрамкиным, Сергеем Ковалёвым. Посещали колонии, СИЗО – и в Москве, и в провинции. Разбирались, как люди содержатся, как питаются. Помню, в СИЗО-5 в Москве я спросил: ну, хоть кого-нибудь вам здесь жалко? Оказалось, есть такой человек. Привели шкета, непонятно, в чем душа держится. Мать у него умерла, отец неизвестно где. Он находился в СИЗО за то, что украл пачку пельменей, но уже готовился отбывать наказание в колонии. Я попросил судью только об одном: учесть его рост и вес. Мальчишку этого оправдали. Вместе с Анатолием Приставкиным боролся за отмену смертной казни. Даже представлял в Госдуме наш с Юлием Рыбаковым законопроект о моратории на смертную казнь. Кстати, в то время, когда я был депутатом, удалось доказать невиновность трех человек из Архангельска, приговоренных к смертной казни. На их невиновности настаивала мать девочки, в убийстве которой их обвиняли.

А вообще, судебная система была абсолютно разболтана, многих удалось вытащить вопреки ей.

Документ

«В 1991–1995 годах были проведены три Всероссийских съезда судей. На съездах обращалось внимание на усиливающиеся кризисные явления в судебной системе, на необходимость последовательного настойчивого проведения судебной реформы; отмечались несовершенство законодательства и неэффективность косметических мер и экспериментов в реформировании судебной власти. Устаревшие формы судопроизводства не обеспечивают независимости судов, способствуют волоките в разрешении судебных дел, делают неэффективной защиту законных интересов и прав граждан.

Реальные условия деятельности судов продолжают ухудшаться. Укомплектованность судов в 1995 году составила 82%. Количество дел, поступивших в суды только в первом полугодии 1995 года, превысило количество дел за весь предыдущий год. Соответственно возросли нагрузки на одного судью и увеличились сроки рассмотрения дел. Возникает своеобразная очередь за правосудием, и граждане годами не могут реализовать свои права на разбирательство дел без неоправданной задержки».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Значительна роль Комиссии по помилованию, которая была создана по инициативе Сергея Адамовича Ковалёва. Ее возглавил Анатолий Приставкин. А входили туда Булат Окуджава, Лев Разгон, Мариэтта Чудакова... Я тоже был членом Комиссии по помилованию. Она работала в тесном контакте с Комиссией по правам человека.

Документ

«Комиссия вынуждена также констатировать, что рекомендации и предложения по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе, изложенные в Докладе за 1993 год, остались не востребованными.

Причины, обуславливающие бедственное положение, сложившееся в учреждениях пенитенциарной системы, в значительной степени носят экономический характер, однако этим не исчерпываются.

По состоянию на 1 декабря 1995 года в пенитенциарных учреждениях страны содержалось свыше миллиона граждан России, что превышает численность 1994 года: на 6,7% – лиц, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях, и на 15,1% – лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах (более подробные данные см. в приложении 1). Рост численности заключенных повсеместно сопровождается ухудшением материально-бытовых и медико-санитарных условий их содержания, продовольственного и вещевого обеспечения.

Предусмотренные бюджетом потребности уголовно-исполнительной системы в финансировании удовлетворены не полностью. По данным МВД по состоянию на 1 января 1995 года общая задолженность по смете составляла 335 млрд рублей, по состоянию на 1 января 1996 года – уже 1373,5 млрд рублей».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Вы покинули Комиссию по правам человека вместе с Ковалёвым?

В.Б. Конечно, тут секрета нет. Мы с ним вообще в большинстве случаев единомышленники. Отчаянно спорим только на охоте. Я-то не стреляю, но ему нужен напарник.

Документ

«...2. Нарушения прав человека и международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики

Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации единогласно во мнении, что с точки зрения соблюдения прав человека на территории Российской Федерации в 1994–1995 годах бесспорно важнейшими и наиболее трагичными являются события в зоне вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. По массовости и грубости нарушений прав человека, страданиям сотен тысяч граждан России, жестокости, проявленной по отношению к гражданскому населению, чеченские события являются беспрецедентными со времени массовых политических репрессий в СССР.

В мандат Комиссии не входит политическая оценка решений и действий федерального руководства и руководства режима Д. Дудаева. Однако Комиссия считает необходимым отметить:

- попытка силового решения чеченской проблемы вне всяких рамок закона является пересмотром важнейшего внутривнутриполитического принципа, который заключается в отказе от решения политических проблем посредством силы, что является абсолютно необходимым условием соблюдения прав человека и что нашло отражение в Договоре об общественном согласии;
- самопровозглашение независимой Чеченской Республики Ичкерия противоречит Конституции Российской Федерации и международному праву. Президент и федеральное Правительство вправе и даже обязаны предпринять действия, направленные на сохранение территориальной целостности Российской Федерации, но эти действия должны осуществляться в рамках Конституции Российской Федерации, международных обязательств России и действующего законодательства».

Ред. В работе Комиссии под председательством Владимира Карташкина вы не участвовали?

В.Б. Этот период я пропустил. Я вернулся в Комиссию, когда председателем стала Элла Александровна Памфилова. Мы были вместе в Госдуме, и пригласила меня она по своей инициативе. Я по-прежнему занимался общественным контролем за местами заключения и принудительного содержания. Элла Александровна очень помогала.

Удалось использовать английский опыт, я с ним ознакомился в 1995 году. Там в тюрьмах есть Советы визитеров. Члены этих советов свободно ходят по тюрьмам и докладывают властям о том, что там происходит. Кстати, как правило, не торопятся все опубликовать или озвучить, надеясь, что власти адекватно отреагируют. Вот этим мы занялись с известным судьей Сергеем Пашиным, Валерой Абрамкиным, Андреем Бабушкиным... Ездили в Мордовию, Пермь, Красноярск. Иногда даже там находили союзников – таким оказался Владимир Константинович Шаешников, начальник Красноярского ГУИНа.

Судьба Закона была непростая, люди из МВД отбрыкивались, как могли. Элле Памфиловой надо поставить памятник. Ведь благодаря ей я дважды смог доложить о Законе⁴ президенту Путину. И в 2008 году он был принят.

Пришлось долго его пробивать. Ведь первый раз я представлял его в Госдуме в 1999 году. Он тогда получил конституционное большинство. Его поддержал даже генерал Макашов! Ему ведь пришлось узнать, каково находиться в местах заключения. Но тогда силовикам удалось его заблокировать через Совет Федерации. Создали согласительную комиссию. От Госдумы ее возглавил я, а от Совета Федерации – С.С. Собянин. Пришлось пойти на компромисс: в моем варианте общественный наблюдатель имел федеральный статус и мог пройти в любую колонию, любой СИЗО страны. А Совет Федерации настоял на региональном статусе. Но и при этом девять лет мы вели дебаты. Фонд «Социальное партнерство», где я – председатель правления, организовывал слушания на разных уровнях, учебу будущих членов наблюдательных комиссий – действовала Школа общественного инспектора. Подобные законы действуют только в Великобритании и во Франции. В США, где тюрьмы сильно хуже европейских, такого закона нет. Американцы приезжали, интересовались, потом я у них делал доклад.

Документ

«Организованные членами Совета в 2012–2013 годах общественные проверки более ста исправительных учреждений и следственных изоляторов в Оренбургской и Челябинской областях, Республике Карелия, Пермском крае, Мордовской Республике и т.д. позволяют утверждать, что на сегодняшний день:

– сохраняются проблемы в обеспечении занятости осужденных трудом, нарушаются права осужденных на справедливую оплату и благоприятные условия труда, буксует развитие пенитенциарного производства. Несмотря на то что труд осужденных признается одним из основных средств исправления, большая часть осужденных не работает. Оплата труда значительного числа осужденных остается недопустимо низкой. Выявлены многочисленные случаи, когда осужденные, занятые полный рабочий день, получают на лицевой счет от 20 до 1000 рублей в месяц. Это негативно сказывается и на процессе возмещения материального ущерба, нанесенного преступлением, ущемляет законные интересы потерпевших. В немалой степени указанные проблемы связаны с тем, что исправительные колонии и центры социальной адаптации осужденных при получении государственных и муниципальных заказов поставлены в те же

условия, что и коммерческие структуры, имеющие значительно более опытный и квалифицированный персонал;

– учреждения ФСИН России переполнены лицами, наиболее эффективное исправление которых было бы возможно без их изоляции от общества. Среди них – многие тысячи людей, ставших жертвами следственных и судебных ошибок, исправление которых практически невозможно достигнуть в рамках действующей системы правосудия;

– не выработаны новые подходы к условно-досрочному освобождению из мест лишения свободы, в результате чего значительное число положительно характеризующихся осужденных не могут досрочно вернуться к нормальной жизни. Нередко возникает ситуация, когда на протяжении долгих лет содержания в СИЗО и отбывтия наказания в исправительной колонии осужденный имеет десятки поощрений и ни одного взыскания, однако за неделю до рассмотрения ходатайства об условно-досрочном освобождении у осужденного в закрепленной за ним тумбочке вдруг обнаруживается запрещенный предмет или появляется рапорт о том, что осужденный не поздоровался с представителем администрации;

– десятки тысяч осужденных отбывают наказание в регионах, недоступных для посещения их родными и близкими. Это приводит к ослаблению или разрыву социально полезных связей, личным трагедиям родственников, разрушению той социальной среды, на которую государство рассчитывает при освобождении осужденного;

– не соответствуют ожиданиям гражданского общества сдвиги в организации медицинского обеспечения осужденных и содержащихся под стражей. Смертельно больные заключенные либо заключенные, жизнь которых могла бы быть спасена в случае освобождения и лечения в учреждениях Минздрава России, остаются в колониях либо освобождаются слишком поздно. В ряде регионов до 80% осужденных, представленных администрацией учреждений ФСИН к освобождению по болезни, получают от судов отказ в таком освобождении и умирают в колониях;

– сохраняется практика неправомерного применения физической силы и спецсредств в отношении заключенных. При этом до настоящего времени не создана эффективная система выявления и расследования пыток, примененных к заключенным до их попадания в учреждения УИС;

– выявляются многочисленные случаи переполнения камер СИЗО. Наряду с чрезмерно частой практикой избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, важной причиной такого переполнения является избыточно детализированное требование отдельного содержания подозреваемых и обвиняемых (ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"), а также игнорирование следователями и судами реального наполнения СИЗО;

– отсутствует ожидаемый прогресс в практике взаимодействия учреждений исполнения наказаний с общественными наблюдательными комиссиями (ОНК)».

Из Рекомендаций Совета по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы», 5 апреля 2013 года

Ред. При каких обстоятельствах вы расстались с этой Комиссией?

В.Б. Точнее будет сказать, что я не вошел в новый состав. Я ведь – один из основателей партии «Яблоко», и Элле Александровне стали активно на это указывать, она мне сама сказала.

Ред. Но свою деятельность вы не бросили?

В.Б. Разумеется, я ведь и в «Яблоке» возглавляю правозащитную фракцию. А Совет по правам человека очень нужен, это реальный элемент взаимодействия общества и власти. Во время председательства Михаила Александровича Федотова я выступаю как эксперт Совета, некоторые мои предложения уже заслушаны.

Ред. Поделитесь, пожалуйста.

В.Б. Я внес предложение по тюремной медицине. Ведь до 1934 года она была в гражданском подчинении. Потом ГУЛАГ укрепился, разросся и взял ее под себя. Минздрав брать тюремную медицину сейчас не хочет. Я добиваюсь компромисса, такая практика есть в Голландии. Чтобы собственно медицинская часть – контроль, консультации – была в гражданском ведении. Если бы это было реализовано, то в истории с Магнитским, например, не было бы тех безобразий. Была бы независимая экспертиза, не тюремная, а гражданская.

Еще одна идея есть. СИЗО сейчас перегружены примерно на 30% сверх нормы. На Западе суд решает так: если нет надлежащих условий для приговоренного лица, надо ждать. И применяются браслеты, указывающие местонахождение осужденного. При этом у них норма площади на одного заключенного – семь квадратных метров, а у нас – четыре. Это предложение тоже было одобрено Советом и сейчас находится в разработке.

Но самое важное – защитить общественный контроль. Он сейчас находится просто под угрозой.

Документ

«21 октября 2016 года на сайте Общественной палаты Российской Федерации (далее – ОП РФ) был опубликован список вновь сформированных общественных наблюдательных комиссий (далее – ОНК) в 42 субъектах Российской Федерации.

Двумя днями ранее, 19 октября 2016 года президиум Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет) призвал совет Общественной палаты РФ (далее – ОП РФ) приостановить голосование по кандидатурам в состав ОНК. ... В соответствии с пунктом 6 статьи 62 Регламента ОП РФ кандидатура в состав ОНК отклоняется членами совета Общественной палаты путем выставления нулевого числового значения (балла) в случае несоответствия требованиям ФЗ об ОНК:

- заявления и иных материалов, поступивших от общественного объединения о выдвижении кандидатуры в состав общественной наблюдательной комиссии;
- кандидатуры, выдвигаемой в состав общественной наблюдательной комиссии;
- общественного объединения, выдвинувшего кандидатуру в состав общественной наблюдательной комиссии.

Однако при голосовании членов совета ОП РФ нулевые баллы по неизвестным причинам получили многочисленные кандидаты, не имеющие указанных в Регламенте ОП РФ недостатков, в том числе эффективно работавшие в ОНК прошлого созыва Масюк Е.В., Каретникова А.Г., Флерова Т.А., Абдулаева Е.В., Базикян М.А. и другие.

Негативные последствия обозначенных выше нарушений порядка формирования ОНК подтверждают и статистические данные, полученные на основе детального анализа нового состава ОНК:

В частности, на 23% (129 человек) новый состав ОНК состоит из представителей ветеранских организаций Вооруженных сил РФ, МВД РФ, ФСИН России и т.д. (подробнее – слайд 2 Презентации «Выборы ОНК-2016»). В отдельных регионах (например, в Краснодарском крае, Владимирской и Кировской областях) более половины состава ОНК составляют ветераны правоохранительных органов и ФСИН, которые, как правило, имеют

профессиональную деформацию, не располагающую к правозащитной деятельности.

Результатом проведенной с большими нарушениями процедуры формирования нового состава ОНК в 42 регионах стали многочисленные заявления и жалобы правозащитников, а также поток возмущенных публикаций в СМИ с обвинениями в адрес властных структур в стремлении уничтожить общественный контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. Если не предпринять решительных и срочных мер по снятию конфликта, волна протестов будет только нарастать: любой инцидент с участием членов ОНК нового созыва будет поводом для возобновления критики.

Более того, многие правозащитники, не попавшие в состав ОНК, всерьез намерены обращаться в суд с административными исками к ОП РФ как к организации, выполняющей публичные функции, и готовы дойти до Верховного Суда РФ и ЕСПЧ, что, разумеется, означает затягивание конфликта на многие месяцы и даже годы. Кроме того, есть реальная опасность того, что судебное решение в пользу административных истцов приведет к автоматической утрате легитимности нового состава ОНК во всех 42 субъектах Российской Федерации».

Из аналитической справки о причинах, последствиях и путях преодоления конфликта в связи с формировании нового состава ОНК в 42 субъектах Российской Федерации, 26 октября 2016 года

В.Б.: Надо менять механизм формирования общественных наблюдательных комиссий. Общественная палата показала свою несостоятельность в этой сфере. В моем варианте формирование комиссий возлагалось на Уполномоченного по правам человека. Но сегодня надо подключать не только его, но и Совет по правам человека при Президенте РФ. Иначе получается, что в состав комиссий не попадают правозащитники. А в итоге мы получаем имитацию общественного контроля. Так что сегодня у Совета по правам человека при Президенте РФ ответственная миссия.

1 Имеется в виду ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года). В ранних редакциях Кодекса статья именовалась «Антисоветская агитация и пропаганда».

2 Речь идет об учреждении ВС-389/36, расположенном в пос. Кучино Чусовского района нынешнего Пермского края. В советское время в этой колонии строгого режима содержались политзаключенные, в новой России на месте колонии создан и функционирует Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36».

3 Публицистическое эссе А.И. Солженицына, обращенное к советской интеллигенции, и опубликованное в самиздате 13 февраля 1974 года, в день ареста А.И. Солженицына.

4 Имеется в виду Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. — 16.06.2008. — № 24, ст. 2789.